

УДК 81'246.2

Г. Н. Чиршева

<https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>

П. В. Коровушкин

<https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>

Н. С. Мушникова

<https://orcid.org/0000-0002-2073-1746>

Металингвистические и метакоммуникативные высказывания детей-билингвов

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-00260 «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье».

Для цитирования: Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В., Мушникова Н. С. Металингвистические и метакоммуникативные высказывания детей-билингвов // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 128–135. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-128-135

В статье рассматриваются металингвистические высказывания, сопровождающие выбор языков, отношение к ним и к переключениям кодов в речи двух детей из русской моноэтнической семьи (все члены семьи – представители одного этноса и одной культуры и носители одного языка). Эти дети усваивают русский и английский языки с рождения по принципу «один родитель – один язык»: мама и все ее родственники говорят с ними по-русски, а папа и его родители – по-английски. Когда дети участвуют в билингвальной коммуникации, им приходится делать выбор между языками, переключаться с одного языка на другой, что стимулирует их к размышлениям о языках, собеседниках, билингвальной речи. Такие коммуникативные ситуации побуждают их к продуцированию металингвистических и метакоммуникативных высказываний на каждом из двух языков, которые они усваивают. В данной работе эти высказывания оцениваются как по их семантико-прагматическим характеристикам, так и по структуре, делаются выводы о развитии металингвистической компетенции детей и ее соотношении с особенностями формирования их билингвизма. Результаты исследования показывают, что выбор языка для металингвистических высказываний может служить одним из индикаторов несбалансированного формирования детского билингвизма, поскольку большинство металингвистических высказываний на всех возрастных этапах оформляется на русском языке или на русском с переключениями на английский. Английские металингвистические высказывания наблюдаются реже и обычно представляют собой стереотипные конструкции. При этом выясняется, что усиливающаяся доминантность русского языка не мешает сохранению положительного отношения к более «слабому» английскому языку в детском билингвальном репертуаре.

Ключевые слова: детский билингвизм, русский, английский, выбор языка, переключения кодов, металингвистические высказывания, отношение к языкам.

G. N. Chirsheva, P. V. Korovushkin, N. S. Mushnikova

Metalinguistic and metacommunicative statements of bilingual children

The present study aims to explore the metalinguistic utterances that accompany language choice, code switches, and express the attitude to them in the speech of two bilingual siblings within a Russian monoethnic family (all family members represent the same ethnic group and the same culture and are native speakers of the same language). These children have been simultaneously acquiring Russian and English since their first month of life. The bilingual strategy used in this family is «one parent – one language»: mother and her relatives speak Russian to the children, while the father and his parents interact with the boys in English. When the children participate in bilingual communication, they frequently have to switch between the two languages (codes), which stimulates their reflections on languages, interlocutors, and bilingual speech. Such communicative situations make the children produce metalinguistic and metacommunicative utterances in each of their languages. Studying these utterances in structural, semantic, and pragmatic aspects, the authors evaluate the children's metalinguistic competence and the ways it is related to the development of their bilingualism. The results of the research show that the language chosen for metalinguistic utterances can demonstrate its dominance in the development of non-balanced bilingualism. At the same time, it serves as one of the indicators showing how the children develop their metalinguistic activities. The authors argue that the

growing dominance of Russian does not prevent the children from preserving a positive attitude to English as the «weak» language in their bilingual repertoire.

Keywords: childhood bilingualism, Russian, English, language choice, code switches, metalinguistic utterances, attitudes to languages.

Введение

Присутствие двух языков с первого года жизни ребенка достаточно рано вызывает его размышления о языках и о собеседниках, которые на них разговаривают. Особенно активно такие размышления проявляются в период дифференциации языков, который у большинства детей начинается около двух лет и продолжается до трех, а иногда и до пяти лет. Этот период характеризуется тем, что дети задают много вопросов о языковых явлениях, о выборе языков, они оценивают возможности, свои и своих собеседников, разговаривать на том или другом языке. Иногда такая оценка связана с выражением эмоций к языкам и к необходимости на них общаться. В жизни некоторых детей отмечают этапы, когда они активно сопротивляются использованию одного из языков. Положительным аспектом даже такого негативного отношения к языкам является развитие металингвистической деятельности ребенка.

Цель данной работы – описать структурные, семантические и прагматические характеристики металингвистических высказываний двух детей в течение нескольких лет. Эти дети (братья с разницей в возрасте в два года) с рождения усваивают русский и английский языки в русскоязычной семье, где мама с ними разговаривает на родном (русском) языке, а папа и его родители – на неродном (английском) языке. Детский билингвизм, который формируется в таких условиях, мы называем моноэтническим.

Исследование опирается на материал, который получен с помощью видеосъемок, проводимых не реже двух раз в месяц в ситуациях общения детей с взрослыми (родителями, бабушкой и дедушкой). Родители и бабушка вели также дневниковые записи, фиксируя высказывания детей, среди которых были и металингвистические. Кроме наблюдений дополнительный материал был получен с помощью опросов, проведенных с целью выявить отношение детей к языкам, к смешению языков и особенностям билингвальных коммуникативных ситуаций.

Обзор литературы

Практически все исследователи раннего билингвизма затрагивают вопросы формирования

детских металингвистических способностей [Чиршева, 2012; DeHouwer, 2009; De Jong, 1986; Elwert, 1959; Grosjean, 1984; Jarovinskij, 1999; Lanza, 2004; Leopold, 1949; Meisel, 2019; Saunders, 1988], подчеркивая их положительное влияние на общее когнитивное развитие ребенка [Bialystok, 2001; Cromdal, 1999; Kuzyk, et al., 2020; Meisel, 2019: 231; Serratrice, et al., 2009; Smith, 2020].

Когда в коммуникативной ситуации участвуют собеседники, с которыми ребенок общается на разных языках, создается так называемый билингвальный модус [Grosjean, 1998], активизирующий переключения кодов, интерференцию и побуждающий ребенка оценивать билингвальную ситуацию.

Металингвистические способности и отражающие их высказывания ребенка исследователи рассматривают в связи с уровнем развития билингвизма [Tunmer, Myhill, 1984; Bialystok, 1988], с формированием билингвального лексикона [Limia et al 2019], грамматической правильности письменной речи [Foursha-Stevenson, Nicoladis, 2011; Gorman, Ellis, 2019], с процессами дифференциации языков [Meisel, 2019, с. 97], с формированием переводческих способностей [Malakoff, Nakuta, 1991], с эмоциональным отношением к языкам [Dewaele 2016], с успешным обучением в школе [Bialystok, et al., 2014; Carlisle, et al., 1999; Er Kuile, et al., 2011; Galambos, Nakuta, 1988]. Устанавливается также зависимость развития металингвистической активности от формирования раннего билингвизма или диглоссии у детей дошкольного возраста [Eviatar, Ibrahim, 2000]. При изучении металингвистической активности детей из семей иммигрантов ее сопоставляют с процессами самоидентификации и аккультурации в новом обществе [Panicacci, Dewaele, 2017; 2018].

Эти и многие другие работы показывают, что металингвистическая деятельность детей является многогранной и значимой как для развития детского билингвизма, так и для его изучения. Однако пока нет специальных исследований, посвященных установлению взаимосвязи формальных и содержательных характеристик металингвистических высказываний детей со спецификой формирования их билингвизма в лонгитюдном аспекте – на протяжении нескольких лет, начиная с самых ранних возрастных этапов. Поэтому данная

работа может восполнить этот пробел в изучении металингвистической деятельности билингвальных детей.

Методы и материал исследования

Методы сбора материала в данной работе включают: а) наблюдение с видеофиксацией и дневниковыми записями на протяжении девяти лет; б) опросы детей на русском и английском языках в возрасте пяти – семи лет.

Основной метод анализа материала – описательный с приемами психолингвистической и прагматического лингвистической интерпретации. Кроме того, симптоматические количественные показатели используются для установления корреляции между особенностями развития компетенции на каждом из двух языков, для чего оцениваются структурные и семантико-прагматические характеристики металингвистических высказываний, и отношением детей к этим языкам.

Порядок рассмотрения материала определяется лонгитюдным характером исследования: начинается с рассмотрения самых ранних высказываний и завершается теми высказываниями, которые характерны для старшего ребенка, которому сейчас 9 лет.

Результаты и дискуссия

Первые металингвистические высказывания появились на том этапе, когда дети не только активно дифференцировали языки, но и были способны строить в своей речи не менее чем двухсловные предложения.

У Саши до трех лет металингвистических комментариев не наблюдалось. К металингвистическим высказываниям Миши в этом возрасте можно отнести несколько случаев: когда он задавал вопросы о буквах («А какая вот здесь буква?») и когда спорил по поводу того, как их называют (см. пример ниже).

Миша показывал отцу буквы английского алфавита и называл их. Когда его мать назвала букву «С» как «эс», Миша ее поправил: «Это си», а когда она возразила, Миша снова ее поправил. Она решила с ним согласиться и сказала: «Ну ладно, это «С (си)», но тут Миша снова возразил: «Нет, это «S (эс)».

До трех лет Миша начал дифференцировать собеседников по их языкам, хотя в своих разговорах сам этого еще не делал. Так, когда отец взял трубку и начал разговаривать по-английски, Миша сообщил матери: «Это дедя». Вероятно, на основе своих наблюдений он сделал вывод, что

когда отец разговаривает по телефону по-английски, его речь обращена бабушке, потому что друг с другом они всегда говорили по-английски.

Все немногочисленные металингвистические высказывания, зафиксированные у детей до трех лет, были русскоязычными.

С трех лет Миша знал, с кем нужно разговаривать по-русски, а с кем – по-английски, но к бабушке обращался то по-русски, называя ее по имени (*Галя*), то по-английски (*Granny*). Когда отец не расслышал, как он обратился к бабушке, подумав, что сын сделал это по-русски, и поправил его, Миша возмутился: «Я сказал: *Granny!*». Более того, Миша сам начал поучать своего младшего брата, как нужно обращаться к бабушке. Так, когда Саша позвал бабушку: «Баба!», Миша его исправил: «*Сашка, надо говорить: „Granny!“*». В этом металингвистическом высказывании прослеживается и дополнительная интенция – лингводидактическая. Когда Саша смешно произносил какие-то слова, Миша любил его поучать. Например, подражая взрослым, просил Сашу: «*Скажи: Сережа*».

Первые короткие металингвистические высказывания появились у Саши в три года. Так, когда он услышал запись, где с его отцом по-английски разговаривает бабушка, он несколько раз воскликнул: «*Это grandpa!*».

У трехлетних детей металингвистические и метакоммуникативные высказывания были русскоязычными или билингвальными, если они вносили в них английские слова. Английскими были слова, обозначающие англоязычных собеседников.

У четырехлетних детей металингвистические высказывания стали заметно разнообразнее: в них отражалось и их отношение к языкам, собеседникам, комментарии об их умении говорить на двух языках, оценка своих возможностей говорить и читать. Оба ребенка никогда не отказывались говорить по-английски. Когда Мишу другие дети спрашивали, почему его отец разговаривает с ним «непонятно», он объяснял, что отец говорил с ним по-английски.

В четыре года Миша для себя регулировал, на каких языках общаться со своими собеседниками. Он усвоил, что с отцом нужно разговаривать по-английски: отцу достаточно было выразительно посмотреть на сына, чтобы тот переключился на английский. Что касается бабушки и бабушки, то мальчик видел их реже, поэтому говорил с ними чаще по-русски, чем по-английски и даже спорил с отцом, какой язык выбрать в общении с бабуш-

кой. Так, когда Миша рассказывал бабушке о работе по-русски, а отец, присутствовавший при этом, попросил: «Say: This is a robot», Миша ему возразил: «Я говорю не тебе, а бабе». Отец в ответ попросил: «Speak English to granny».

Миша внимательно слушал, как говорил младший брат, и комментировал особенности его речи; например, когда бабушка спросила: «Who is offended?», а Саша ответил: «You», Миша прокомментировал: «Он сказал: «you». Когда Саша поблагодарил бабушку, почти полностью произнеся слово, Миша сообщил бабушке: «Он уже может сказать «спасибо».

Четырехлетний Миша запоминал то, что говорят взрослые в определенных ситуациях, и в своих металингвистических высказываниях объяснял, почему он так сказал. Например, уронив машинку, он воскликнул: «Scheise!», на что бабушка сказала: «Mike, you shouldn't say this word», а Миша прокомментировал: «Так nana говорит».

У Саши многие металингвистические и метакоммуникативные вопросы в четыре года были связаны с тем, что он просил повторить по-русски то, что отец или бабушка говорили ему по-английски. При этом он иногда выражал такие просьбы по-русски, а иногда – по-английски. Так, когда отец рассказывал ему, как собирать игрушку, Саша пожаловался: «Я не понимаю. Как это по-русску?» Отец возразил: «You understand», но Саша не согласился: «No».

Саша отвечал бабушке по-русски, поэтому она спросила его: «Why don't you say that in English? Do you speak English?». Саша ответил: «Нет, не говорю». Отец вмешался: «He does, but he is too lazy». Саша на это еще раз сказал, но уже по-английски: «No, I don't speak English».

В день рождения Миши отец сообщил Саше: «Mike is seven». Саша попросил: «Скажи по-русски: сколько?». Отец попросил Мишу: «Mike, tell your brother how old you are». Миша ответил: «Семь лет».

Стараясь говорить по-английски, но понимая, что получалось это у него с трудом, Саша часто применял привычную английскую фразу: «Say it in Russian». Например, он захотел узнать, какие фрукты лежат в вазе: «Что это, granny?», бабушка ответила: «Kiwi», Саша попросил: «Say it in Russian!».

Четырехлетний Саша с гордостью комментировал свои английские высказывания: «It's cold. Я говорю по-английски, как papa». С удовольствием он сообщал об умении говорить на английском языке, когда слышал, как говорят на нем другие.

Например, когда по телевизору шла детская передача, бабушка сообщила Саше: «They speak English!», на что Саша сказал: «Да, я тоже могу много: table – это стол. Считать могу: one, two, ... twelve».

Саша внимательно наблюдал за тем, что бабушка что-то записывала в блокнот, и поинтересовался: «Что ты пишешь?» Бабушка объяснила: «I am writing the way you speak English». Саша уточнил: «Ты пишешь, потому что я говорю по-английски?», на что бабушка задала встречный вопрос: «And do you speak English?». Саша с удовольствием сообщил: «Да, много: a table».

Комментарии Саши о том, кто говорит по-английски, показывали, что у него есть по этому поводу свое мнение. Когда бабушка после прогулки сказала ему: «Your gloves are wet. I will put them ...». Последовала пауза, поэтому Саша закончил бабушкину фразу: «... to dry. Daddy так говорит. А мама по-английски не много говорит».

В четыре года Саша рассуждал и об умении читать. Когда бабушка читала ему книжку «The bear who wants to read», в том месте, где описано, что мишка не понял, как обращаться с книжкой, Саша заметил: «Мишка не умеет читать». Бабушка задала ему вопрос: «And you? Can you read?», на что Саша ответил: «Нет, а Миша может».

В четыре года Саша понимал и адекватно реагировал на просьбу перевести что-то с английского на русский. Так, когда в телепередаче персонаж сообщил по-английски: «I can help you!», бабушка спросила Сашу: «Can you translate this into Russian?». Саша сразу ответил: «Да: я помогу тебе». В другой раз, когда бабушка спросила его о русском эквиваленте английского слова: «What's the Russian for «bicycle?», Саша дал правильный ответ: «Велосипед».

Отличие металингвистических высказываний четырехлетних детей от более ранних заключалось в том, что некоторые из них были англоязычными. Однако по-прежнему преобладали русскоязычные или смешанные структуры. При этом англоязычные комментарии были структурно и семантически менее разнообразными, чем русские и билингвальные.

Пятилетние дети продолжали активно размышлять об общении на английском языке, положительно оценивали свое умение разговаривать на нем, старший брат проявлял желание помочь, если у младшего возникали проблемы с тем, чтобы сообщить что-то по-английски.

Во время опросов, которые проводились устно

как по-русски, так и по-английски, оба ребенка положительно отвечали на вопросы о том, хотят ли они разговаривать по-английски. Отличались ответы тем, что по-русски дети давали дополнительные комментарии, а по-английски ограничивались односложными репликами. Например, на вопрос: «*Do you like to speak English?*», они всегда отвечали: «*Yes*».

У пятилетних детей появились метакоммуникативные высказывания о правилах общения. Так, когда мать попросила: «*Миша, дай Саше машинку поиграть*», Миша возмущенно ответил: «*Он не сказал „пожалуйста“*».

Мишин друг на площадке послушал, как бабушка разговаривала с Мишей, и спросил его: «*Что она говорит? Непонятно*». Миша спокойно объяснил ему: «*Она по-английски со мной умеет разговаривать*».

В пять лет Миша часто поучал младшего брата, как отвечать взрослым по-английски. Например, когда Саша скомандовал: «*Чай!*», а бабушка попросила его: «*Ask politely in English*», Саша ничего не ответил, поэтому Миша помог ему: «*Please, pour me some tea*». В другой ситуации, когда Саша по-русски просил отца добавить ему картошку, а папа не торопился это делать, Миша подсказал брату: «*Скажи: Give me some more, daddy*».

Комментарии пятилетнего Миши отражали и его размышления о том, на каких языках общаются между собой взрослые. Так, когда он зашел к бабушке и, услышав, что она разговаривает с его отцом по-русски, спросил ее: «*А почему ты с папой не разговариваешь по-английски?*». Отец ответил: «*We can speak English with your granny*». Бабушка продолжила этот разговор о языках, задав Мише вопрос: «*And why do you speak Russian to me, not English?*», на что Миша ничего не ответил, только улыбнулся.

Саша в пять лет свою английскую речь обычно комментировал по-русски, например: «*Granny, open the door! Я кричал это, когда еще был на лестнице*».

Споры о русских словах, в том числе и им самим придуманных, Саша вел всегда по-русски, упорно отстаивая свое мнение. Так, рассуждая о днях недели, он сообщил: «*А завтра был воскресенье. А вчера была пятница. А послевчера был четверг*». Когда бабушка поправила: «*Позавчера*», Саша не согласился: «*Нет, послевчера!*» Бабушке, которая пыталась настоять на своем, Саша разъяснил: «*Я знаю: „послезавтра“ и „послевчера“*».

Вопросы об английских словах Саша чаще всего тоже задавал по-русски, например, его заинтересовало бабушкино обращение к нему: «*А почему ты называешь меня honey?*». На вопрос бабушки: «*Are you greedy?*», Саша ответить не смог, поэтому спросил ее сначала о незнакомом слове: «*Что значит „greedy“?*». Когда отец сообщил: «*Ladies are angry*», Саша поинтересовался: «*Что такое „ladies“?*».

Иногда такие вопросы Саша задавал и по-английски. Например, в ответ на сообщение бабушки: «*The juice is sweet*», он спросил: «*What is „sweet“?*», а когда бабушка дала русский эквивалент и прокомментировала: «*Сладкий*». *You don't know any English words!*», Саша эмоционально воскликнул: «*Папа меня не учил!*», но потом с замечанием бабушки: «*Just listen to your father and you'll know how to speak*» согласился: «*Yes*».

Пятилетний Саша и сам давал пояснения английских слов так, как он их понимал. Например, когда отец прочитал ему книжку о львах и сказал: «*Lions are big cats, they are predators*», Саша сделал вывод: «*Predators значит плохие. Они едят: кошки – кошек, львы – львов, их мясо – meat*».

Если Саша не понимал английские слова, в пять лет он обычно использовал английскую стереотипную формулу «*Say it in Russian*». Например, когда он сообщил: «*Речка там какая-то*», а отец возразил: «*A river? No, it's a pond*», Саша не понял и попросил: «*In Russian?*». Отцу пришлось дать русский эквивалент: «*Пруд*». В другом случае, когда по телевизору показывали матч по бейсболу, бабушка прокомментировала: «*It's baseball*», что вызвало просьбу Саши: «*Say it in Russian*», на что она ответила: «*The same – бейсбол*».

Как и его старший брат в пятилетнем возрасте, Саша интересовался тем, на каких языках и почему говорят взрослые. Например, он спросил мать: «*Мама, почему ты по-английски не говоришь?*», на что она ответила: «*Потому что я говорю по-русски*». Бабушка продолжила этот разговор по-английски, спросив Сашу: «*And why don't you speak English?*», на что Саша ответил по-английски, а потом продолжил снова по-русски: «*I speak. А мама не понимает по-английски*». Интересовало Сашу и то, почему бабушка говорила с его отцом по-русски: «*Granny, а почему ты по-русски говоришь?*».

Когда Мише было шесть лет, он делал метакоммуникативные комментарии по поводу используемых языков. Так, когда бабушка сказала ему что-то по-русски, он сделал ей замечание:

«Надо с нами по-английски разговаривать». Бабушка порадовалась такой сознательности и спросила его уже по-английски: «*Do you like when I speak English with you?*», на что Миша ответил: «*Yes*». В более раннем возрасте Миша никогда не просил менять языки, на которых разговаривали окружающие друг с другом или с ним.

Подобные метакоммуникативные высказывания у шестилетнего Миши наблюдались и в виде констатаций, например, когда он играл с бабушкой в шашки, бабушка вдруг сделала комментарий по-русски, что Миша сразу заметил: «*Granny, ты по-русски мне сказала!*». Бабушка согласилась, что это было неправильно: «*OK, I should speak English, I know*». Замечал Миша и смену обращения к нему: если бабушка называла его «*Миша*», а не «*Mike*», он сразу указывал ей на это.

У шестилетнего Саша метакоммуникативные высказывания иногда дополнялись лингводидактическими интенциями, например, когда он пытался поучать Мишу, что нужно сказать по-английски, когда они уезжали от бабушки: «*Миша, скажи бабушке thank you*».

Вопросы о незнакомых английских словах шестилетние дети задавали и по-русски, и по-английски, применяя уже привычные формулировки, которые усвоили в четырехлетнем возрасте.

В семь лет никаких новых металингвистических структур на английском языке дети не использовали, продолжая применять те, что стали уже привычными. Русскоязычные металингвистические и метакоммуникативные высказывания, наоборот, становились более разнообразными как по форме, так и по содержанию. Они касались особенностей коммуникации на двух языках (Миша: «*Daddy, а ты вообще так говорил, ты нас так учил?*»), наблюдений по поводу умения общаться по-английски (просматривая видеозаписи, где Саше было около двух лет, он с удивлением заметил: «*Я такой маленький, а уже по-английски понимаю?!*»).

Когда Миша пошел в школу, его положительное отношение к английскому языку заметно усилилось. Он сообщал, что лучше других детей знает английский, потому что разговаривает на нем дома с папой. Иногда даже делал по этому поводу лестные для себя замечания. Например, когда бабушка сказала Мише: «*Don't rock – you will break the stool!*», Миша ответил: «*He stool, a chair! Я лучше тебя знаю английский!*».

Восьмилетний Миша начал замечать прагматический эффект, который создается переключениями кодов. Так, он засмеялся, когда Саша ска-

зал: «*Я play*». На вопрос бабушки о том, почему он смеется, Миша ответил: «*Сашка сначала сказал русское слово, а потом – английское*». В девять лет Миша часто обращал внимание на подобные смешения языков и в своей речи, и в речи взрослых, отмечая, что это смешно, однако все эти комментарии он выражал почти всегда по-русски. Такие высказывания можно назвать металингвистическими.

Металингвистические вопросы, которые задавал девятилетний Миша, показывали, что он старался говорить по-английски, но при этом испытывал трудности при их формулировке. Например, не поняв какое-то английское слово, он спросил папу: «*Daddy, what means...?*». Синтаксическая структура этого металингвистического вопроса отражает интерферентное влияние русского языка («*Что означает...?*»), однако морфологические и лексические особенности адекватны для английского языка.

Заключение

Таким образом, два языка в жизни билингвальных детей постоянно вызывают их интерес и к самим языкам, и к тем, кто на них общается.

В наблюдаемых нами ситуациях детский билингвизм развивался крайне несбалансированно: русский язык постоянно доминировал над английским, что отражалось и в металингвистической деятельности детей. Очевидно, что процесс дифференциации языков у обоих братьев активно проходил до четырех лет. Именно в возрасте четырех – пяти лет оба мальчика очень часто высказывали свои мысли по поводу англоязычной коммуникации. Видимо, не ощущая проблем в русскоязычном общении, они меньше задумывались о русском языке, а английский язык как «слабый» и недоминантный, но значимый, поскольку на нем с ними общался отец, вызывал и вопросы, и эмоции. Примечательно, что большинство металингвистических высказываний дети оформляли по-русски, иногда внося в них английские единицы. Английские металингвистические высказывания наблюдались реже и обычно представляли собой стереотипные конструкции, которые дети усвоили, чтобы уточнить значение того, что не поняли по-английски.

Русские металингвистические высказывания были значительно разнообразнее и по структурным, и по семантическим, и по прагматическим характеристикам, что является одним из свидетельств несбалансированного развития билингвизма. Однако даже понимая то, что по-русски

общаться легче, оба ребенка сохранили положительное отношение и к английскому языку, никогда не отказываясь слушать англоязычную речь и общаться с англоязычными собеседниками.

Библиографический список

1. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение языков. Санкт-Петербург : Златоуст, 2012. 488 с.
2. Bialystok E. Levels of bilingualism and levels of linguistic awareness // *Developmental psychology*. 1988. V. 24. P. 560–567.
3. Bialystok E. Metalinguistic aspects of bilingual processing // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2001. V. 21. P. 169–181.
4. Bialystok E. Producing bilinguals through immersion education: Development of metalinguistic awareness // *Applied Psycholinguistics*. 2014. V. 35, № 1. P. 177–191.
5. Carlisle J. Relationship of metalinguistic capabilities and reading achievement for children who are becoming bilingual // *Applied Psycholinguistics*. 1999. V. 20, № 4. P. 459–478.
6. Cromdal J. Childhood bilingualism and metalinguistic skills: Analysis and control in young Swedish-English bilinguals // *Applied Psycholinguistics*. 1999. V. 20, № 1. P. 1–20.
7. Dewaele J.-M. Why do so many bi- and multilinguals feel different when switching languages? // *International Journal of Multilingualism*. 2016. V. 13, № 1. P. 92–105.
8. DeHouwer A. *Bilingual First Language Acquisition*. Bristol; Buffalo; Toronto : Multilingual Matters, 2009. 412 p.
9. De Jong E. *The Bilingual Experience. A Book for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 112 p.
10. Elwert W. Th. *Das zweisprachige Individuum: Ein Selbstzeugnis*. Wiesbaden : Steiner, 1959. 80 p.
11. Er Kuile H. Bilingual education, metalinguistic awareness, and the understanding of an unknown language // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2011. V. 14, № 2. P. 233–242.
12. Eviatar Z. Bilingual is as bilingual does: Metalinguistic abilities of Arab-speaking children // *Applied Psycholinguistics*. 2000. V. 21, № 4. P. 451–471.
13. Foursha-Stevenson C. Early emergence of syntactic awareness and cross-linguistic influence in bilingual children's judgments // *International Journal of Bilingualism*. 2011. V. 15, № 4. P. 521–534.
14. Galambos S. J. Subject-specific and task-specific characteristics of metalinguistic awareness in bilingual children // *Applied Psycholinguistics*. 1988. V. 9, № 2. P. 141–162.
15. Gorman M. The relative effects of metalinguistic explanation and direct written corrective feedback on children's grammatical accuracy in new writing // *Language Teaching for Young Learners*. 2019. V. 1, № 1. P. 57–81.
16. Grosjean F. *Life with two languages: An introduction to bilingualism*. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 1984. 384 p.
17. Grosjean F. Transfer and language mode // *Bilingualism: Language and Cognition*. 1998. V. 1, № 3. P. 175–176.
18. Jarovinskij A. Acquiring bilingual communicative competence // *Proceedings of the 5th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. Porto, 1999. P. 561–564.
19. Kuzyk O. Are there cognitive benefits of code-switching in bilingual children? A longitudinal study // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. V. 23, № 3. P. 542–553.
20. Lanza E. *Language mixing in infant bilingualism: A sociolinguistic perspective*. Oxford : Clarendon Press, 2004. 422 p.
21. Leopold W. F. *Speech development of a bilingual child: A linguist's record: v. 4. Diary from age two*. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1949. 200 p.
22. Limia V. Do parents provide a helping hand to vocabulary development in bilingual children? // *Journal of Child Language*. 2019. V. 46, № 3. P. 501–521.
23. Malakoff M. Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals // E. Bialystok (Ed.). *Language Processing in Bilingual Children*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 141–166.
24. Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 259 p.
25. Meisel J. M. Benefits and advantages of child bilingualism // Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 221–244.
26. Meisel J. M. Keeping languages apart: Mixing, interference and interaction of languages // Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 93–122.
27. Panicacci A. «A voice from elsewhere»: acculturation, personality and migrants' self-perceptions across languages and cultures // *International Journal of Multilingualism*. 2017. V. 14, № 4. P. 419–436.
28. Panicacci A. Do interlocutors or conversation topics affect migrants' sense of feeling different when switching languages? // *International Journal of Multilingualism and Multicultural Development*. 2018. V. 39, № 3. P. 240–255.
29. Saunders G. *Bilingual children: From birth to teens*. Clevedon : Multilingual Matters, 1988. 274 p.
30. Serratrice L. Bilingual children's sensitivity to specificity and genericity: Evidence from metalinguistic awareness // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. V. 12, № 2. P. 239–257.
31. Smith M. The cognitive status of metalinguistic knowledge in speakers of one or more languages // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. P. 1–12.
32. Tunmer W. *Metalinguistic Awareness and Bilingualism* // W. E. Tunmer, C. Pratt, M. L. Herriman (Eds.). *Metalinguistic Awareness in Children: Theory, Research, and Implications*. Berlin : Springer Verlag, 1984. P. 169–187.

Reference List

1. Chirsheva G. N. Detskij bilingvizm: Odnovremennoe usvoenie jazykov = Children's bilingualism: Simultaneous learning of languages. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2012. 488 s.
2. Bialystok E. Levels of bilingualism and levels of linguistic awareness // *Developmental psychology*. 1988. V. 24. P. 560–567.
3. Bialystok E. Metalinguistic aspects of bilingual processing // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2001. V. 21. P. 169–181.
4. Bialystok E. Producing bilinguals through immersion education: Development of metalinguistic awareness // *Applied Psycholinguistics*. 2014. V. 35, № 1. P. 177–191.
5. Carlisle J. Relationship of metalinguistic capabilities and reading achievement for children who are becoming bilingual // *Applied Psycholinguistics*. 1999. V. 20, № 4. P. 459–478.
6. Cromdal J. Childhood bilingualism and metalinguistic skills: Analysis and control in young Swedish-English bilinguals // *Applied Psycholinguistics*. 1999. V. 20, № 1. P. 1–20.
7. Dewaele J.-M. Why do so many bi- and multilinguals feel different when switching languages? // *International Journal of Multilingualism*. 2016. V. 13, № 1. P. 92–105.
8. DeHouwer A. *Bilingual First Language Acquisition*. Bristol; Buffalo; Toronto : Multilingual Matters, 2009. 412 p.
9. De Jong E. *The Bilingual Experience. A Book for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 112 p.
10. Elwert W. Th. *Das zweisprachige Individuum: Ein Selbstzeugnis*. Wiesbaden : Steiner, 1959. 80 p.
11. Er Kuile H. Bilingual education, metalinguistic awareness, and the understanding of an unknown language // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2011. V. 14, № 2. P. 233–242.
12. Eviatar Z. Bilingual is as bilingual does: Metalinguistic abilities of Arab-speaking children // *Applied Psycholinguistics*. 2000. V. 21, № 4. P. 451–471.
13. Foursha-Stevenson C. Early emergence of syntactic awareness and cross-linguistic influence in bilingual children's judgments // *International Journal of Bilingualism*. 2011. V. 15, № 4. P. 521–534.
14. Galambos S. J. Subject-specific and task-specific characteristics of metalinguistic awareness in bilingual children // *Applied Psycholinguistics*. 1988. V. 9, № 2. P. 141–162.
15. Gorman M. The relative effects of metalinguistic explanation and direct written corrective feedback on children's grammatical accuracy in new writing // *Language Teaching for Young Learners*. 2019. V. 1, № 1. P. 57–81.
16. Grosjean F. *Life with two languages: An introduction to bilingualism*. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 1984. 384 p.
17. Grosjean F. Transfer and language mode // *Bilingualism: Language and Cognition*. 1998. V. 1, № 3. P. 175–176.
18. Jarovinskij A. Acquiring bilingual communicative competence // *Proceedings of the 5th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. Porto, 1999. P. 561–564.
19. Kuzyk O. Are there cognitive benefits of code-switching in bilingual children? A longitudinal study // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. V. 23, № 3. P. 542–553.
20. Lanza E. *Language mixing in infant bilingualism: A sociolinguistic perspective*. Oxford : Clarendon Press, 2004. 422 p.
21. Leopold W. F. *Speech development of a bilingual child: A linguist's record: v. 4. Diary from age two*. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1949. 200 p.
22. Limia V. Do parents provide a helping hand to vocabulary development in bilingual children? // *Journal of Child Language*. 2019. V. 46, № 3. P. 501–521.
23. Malakoff M. Translation skill and metalinguistic awareness in bilinguals // E. Bialystok (Ed.). *Language Processing in Bilingual Children*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 141–166.
24. Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 259 p.
25. Meisel J. M. Benefits and advantages of child bilingualism // Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 221–244.
26. Meisel J. M. Keeping languages apart: Mixing, interference and interaction of languages // Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 93–122.
27. Panicacci A. «A voice from elsewhere»: acculturation, personality and migrants' self-perceptions across languages and cultures // *International Journal of Multilingualism*. 2017. V. 14, № 4. P. 419–436.
28. Panicacci A. Do interlocutors or conversation topics affect migrants' sense of feeling different when switching languages? // *International Journal of Multilingualism and Multicultural Development*. 2018. V. 39, № 3. P. 240–255.
29. Saunders G. *Bilingual children: From birth to teens*. Clevedon : Multilingual Matters, 1988. 274 p.
30. Serratrice L. Bilingual children's sensitivity to specificity and genericity: Evidence from metalinguistic awareness // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. V. 12, № 2. P. 239–257.
31. Smith M. The cognitive status of metalinguistic knowledge in speakers of one or more languages // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. P. 1–12.
32. Tunmer W. *Metalinguistic Awareness and Bilingualism* // W. E. Tunmer, C. Pratt, M. L. Herriman (Eds.). *Metalinguistic Awareness in Children: Theory, Research, and Implications*. Berlin : Springer Verlag, 1984. P. 169–187.